

После выписки из Больничного крыла Гарри и Драко попали под плотный обстрел нравоучений со стороны Гермионы и компании. В конце концов им пришлось уступить и согласиться сопровождать друзей на тренировки по дуэлям, чтобы подтянуть их боевые навыки. Гарри привел всех в Выручай-комнату на восьмом этаже и подробно объяснил, как ею пользоваться и на что стоит обратить внимание. Учитывая разницу в расписании трех факультетов, решили, что Драко будет тренироваться с Блейзом и Панси, а он возьмет на себя Гермиону и Невилла. По выходным же они планировали собираться всем составом.

В перерывах между занятиями Гарри изготовил четыре алхимических амулета. Эти украшения могли не только предупреждать о попытках Легилименции или заклятии Империи, но и частично отражать их. Ровена и Салазар, изучив изделия, одобрили работу, и Гарри решил преподнести их друзьям в качестве рождественских подарков. Мысли о празднике заставили его тосковать по своей Мантии-невидимке. После отъезда с Тисовой улицы он так ее и не видел. Гарри гадал: неужели Дамблдор решил оставить ее себе? На Рождество он определенно собирался вернуться в Старый особняк Блэков. Доведется ли ему снова встретиться с зеркалом Еиналеж? И если да, то что он увидит в нем на этот раз?

К началу каникул в Выручай-комнате собрались все. Гермиона и Панси увлеченно обсуждали поездку в праздничный Лондон; судя по всему, последнюю больше всего интересовали рождественские скидки в модных бутиках. Блейз сокрушался по поводу бесконечных светских раутов, признаваясь, что предпочел бы остаться здесь и сражаться с Драко — по крайней мере, перед другом не нужно было постоянно натягивать слащавую улыбку и расточать пустые комплименты. Невилл поделился, что отец обещал потренировать его в полетах на метле: мальчику надоело быть вечным объектом насмешек на уроках полетов.

— На Рождество я не поеду в поместье. Останусь в школе, — буднично обронил Драко, протирая волшебную палочку и тем самым выливая ушат холодной воды на их восторженное обсуждение.

Гарри удивленно вскинул бровь. Чтобы Люциус позволил наследнику пропустить такой важный социальный сезон... это было крайне необычно.

— Драко, полагаю, это требует объяснений.

— О, Гарри, здесь нет никакой загадки, — хмыкнул Блейз с долей злорадства. — Очевидно, Драко просто не хочет участвовать в этих бесконечных балах. Настоящая пытка, особенно когда приходится иметь дело с восторженными дурочками, которые и сами не понимают, чего хотят. А Драко, как ты знаешь, всегда пользовался популярностью.

— Блейз, не делай вид, будто это не ты вечно крутишься в женском окружении, — вяло парировал Малфой. В его голосе сквозила тревога. — Если честно, мать прислала письмо. Кое-какие семьи уже намекнули, что не прочь породниться с Малфоями. Хм, не представляю, о чем они думают. Я всего лишь на первом курсе, а некоторым из тех девочек, насколько я знаю,

едва исполнилось пять или шесть лет.

— Кхм... — Гарри поперхнулся чаем, и его лицо мгновенно залила краска.

Драко сочувственно похлопал его по спине, вполне понимая его шок. Он и сам едва не выплюнул воду, когда узнал о пятилетних претендентках. Но в глубине души Малфой надеялся, что реакция Гарри вызвана чем-то большим, чем просто смехом над нелепостью ситуации, хотя и знал, насколько Поттер бывает тугодумом в делах сердечных.

Наконец отдышавшись, Гарри вытер выступившие на глазах слезы. Он из последних сил старался сдержать смех, в то время как остальные уже хохотали в голос, не заботясь о чувствах Драко.

— Ладно, смейтесь сколько влезет, проклятый шрамоголовый, я и сам знаю, что это звучит глупо, — проворчал Драко, решив, что надо бы подкинуть отцу каких-нибудь дел, чтобы тот перестал тратить всю энергию на устройство его личной жизни.

Гарри дернул уголком глаза, услышав привычное прозвище, и постарался подавить нахлынувшую горечь. Он принял серьезный вид:

— Нет, Драко, я вовсе не издеваюсь. Просто... я не знаю, что и сказать. Пятилетние дети? Неужели их родители думают, что наследник Малфоев — педофил? Но тебе ведь тоже всего одиннадцать. Как вообще в этом случае определить возрастные рамки?

«Пока ты не признаешь себя ребенком, я точно не педофил», — эта фраза промелькнула в голове Драко, но так и не была озвучена. Он сохранил бесстрастное выражение лица, не желая выдавать разочарования. Малфой даже не заметил, что Блейз все это время внимательно наблюдал за их взаимодействием.

— Я останусь с тобой, Драко, — вырвалось у Гарри прежде, чем он успел подумать. Представив пустые спальни Слизерина в рождественские праздники, он не выдержал, но тут же придумал оправдание: — Думаю, мама Цисси может обсудить это с леди Вальбургой. Боюсь, Сириус тоже втянет меня в какую-нибудь авантюру, так что в школе будет безопаснее.

— Гарри, меня крайне забавляет то, как ты называешь миссис Малфой, — Блейз усмехнулся, и хотя его голос выражал любопытство, в глазах плясали лукавые чертики.

— А что не так? Мама обожает Гарри, — вмешался Драко, опережая ответ друга. — Ты же знаешь, как она любит наряжать детей, а Гарри никогда не сопротивляется. К тому же, она всегда считала, что строгое воспитание Малфоев лишило ее многих радостей материнства.

Драко объяснял это с долей опаски, боясь, что Блейз своими намеками спугнет Гарри. Хотя само обращение Гарри к его матери грело его сердце, он понимал, что Поттер вряд ли

вкладывает в это какой-то скрытый смысл.

Гарри лишь кротко улыбнулся, пряча за этим выражением всю свою тоску. Он решил, что Драко просто боится, как бы Блейз не заподозрил между ними нечто большее. Видимо, они и впрямь стали слишком близки, пора бы начать вести себя осмотрительнее.

— Я черкну Римусу пару строк о том, что остаюсь на праздники. Но, Блейз, если ты из-за своих поклонниц на балу забудешь прислать мне подарок, я серьезно подумаю над тем, чтобы утроить тебе интенсивность тренировок.

Казалось, замок Хогвартс опустел в мгновение ока. Из Слизерина остались только Гарри и Драко. В гостиной факультета стало неуютно и тихо, несмотря на ярко пылающий камин. Драко сидел в кресле, лениво перебирая подарки, но мысли его были заняты словами, которые Блейз бросил ему перед отъездом.

«Драко, ты любишь Гарри, я же вижу. Даже не пытайся отрицать, я верю своим глазам. Но не понимаю, почему ты молчишь? Чего ты опасаться? Слизеринец никогда не отпускает то, что считает своим. Не вздумай потом жалеть. И кстати, я не верю, что Гарри остался в школе из-за каких-то там девчонок на балах».

Драко не удивлялся прозорливости друга. Что в прошлой жизни, что в этой Блейз обладал поразительным чутьем, особенно в любовных делах. В той жизни, после смерти Гарри, он сходил с ума от отчаяния, не в силах найти выход из этого кошмара. Именно Блейз тогда заставил его взглянуть правде в глаза. Драко до сих пор помнил его ошеломленное лицо и слова о том, что нельзя быть настолько слепым, чтобы понять ценность человека лишь после его ухода.

Да, Драко признавал свою фатальную медлительность. В прошлый раз, когда все шло своим чередом, отказ Гарри пожать ему руку в поезде стал первым серьезным ударом по его самолюбию. Последующая вражда была лишь попыткой отомстить за этот отказ. Он никогда не задумывался, почему его так задело мнение случайного мальчишки. Малфоям не было дела до Спасителя. Но тогда у него не было сил искать причины — была война, был Волдеморт, была борьба за выживание рода. Он женился на Астории Гринграсс только потому, что ее семья могла помочь Малфоям восстановить положение. Даже после рождения сына он так и не смог по-настоящему полюбить ее.

Если Гарри остался в школе не из-за глупых смотрин, то почему? Драко знал, что Поттер никогда не принимал светские условности близко к сердцу. В прошлой жизни Гарри, возглавив Орден Феникса, закончил войну, восстановил магический мир, а затем стал директором Хогвартса. Гермиона как-то шутливо заметила, что обожателей Гарри хватило бы, чтобы заполнить пролив Ла-Манш, но он всегда оставался один. Чжоу Чанг и Джинни Уизли были единственными, с кем у него была хоть какая-то тень отношений, да и то в школьные годы. Со смерти Дамблдора и до самого конца о личной жизни Поттера не было слышно ровным счетом

ничего — он вел почти затворнический образ жизни. Он как-то даже спросил его, не нужен ли ему спутник жизни и не стоит ли подыскать подходящую кандидатуру. Сейчас он понимал, каким же идиотом был тогда, пытаясь устроить судьбу человека, которого сам же и любил.

— Драко.

Услышав свое имя, Малфой вздрогнул. Гарри стоял прямо перед ним.

— Я звал тебя несколько раз. О чем ты задумался?

Наконец дождавшись ответа, Гарри подошел к своей горе подарков и принялся их вскрывать.

Драко едва сдержался, чтобы не спросить: «О том, почему ты в прошлый раз так и остался один до самой смерти». Он поспешно отогнал эти путанные мысли.

— Да так, пустяки. Вспомнил, что близнецы тоже не поехали домой.

— Да, все Уизли остались. Если память мне не изменяет, мистер и миссис Уизли отправились в Румынию навестить Чарли.

Гарри уже извлек из груды свертков дудочку от Хагрида и книгу от Гермионы. На этот раз это не было пособием по Квиддичу — видимо, подруга окончательно вычеркнула спорт из списка его интересов.

При мысли о младшем Уизли Драко помрачнел. О Джинни он и вовсе старался не думать — даже если она не была соперницей сейчас, в прошлом она долгое время преследовала Гарри своим вниманием. Заметив, что Гарри что-то усиленно ищет в куче подарков, он оживился:

— Что ты ищешь, Гарри? Неужели Блейз действительно забыл про подарок?

— Ищу свою Мантию-невидимку. В тот раз я получил ее именно на первом курсе, на Рождество.

Подарков в этот раз было в разы больше, чем в прошлой жизни: почти весь первый курс Слизерина счел нужным прислать что-то своему «лидеру». Гарри невольно вспомнил, как после войны Кикимер без лишних слов сортировал горы его корреспонденции, спасая хозяина от погребения под бумагой. Наконец на самом дне показался сверток в яркой бумаге со звездами и лунами — в неповторимом стиле Дамблдора. Он без лишних слов расправил с оберткой и извлек на свет старую верную спутницу.

— Смотри, Драко, мой верный помощник наконец-то вернулся ко мне.

Он с восторгом набросил мантию на плечи, оставив снаружи только голову. Гарри ничуть не смущало, как дико выглядит его парящая в воздухе голова в глазах друга.

Драко невольно залюбовался его мальчишеской улыбкой, почувствовав укол ревности к этому артефакту — Смертоносному Дару. Обычная вещь заставляла Гарри светиться так, как ему не удавалось добиться всеми своими стараниями.

— Гарри, только не говори, что собираешься использовать ее для ночных прогулок. Это слишком мелко. Да и разве в Хогвартсе остались места, которых бы не знал наш самый популярный господин директор?

Гарри фыркнул, снял мантию и аккуратно ее сложил.

— Драко, это в тебе говорит чистейшая зависть. Я знаю, как ты всегда хотел такую же, в прошлой жизни ты твердил об этом постоянно. Я тебя понимаю, честно.

«Я завидую вовсе не мантии», — проглотил горькое признание Малфой, погрузившись в молчание. Гарри же решил, что попал в точку.

Закончив со свертками, Драко достал коробочку, которую заметил еще в самом начале. Она была упакована вручную, точно так же, как и в прошлый раз. Вместо банта на ней примостился крошечный золотистый львенок. Глядя на этого малыша, который лениво позевывал и больше напоминал котенка, чем грозного зверя, он подумал, что надо бы намекнуть Гарри: на Слизерине львы не в почете, лучше бы заменить его на змею. Но представив свернутую кольцами кобру на подарочной коробке... нет, пусть уж лучше остается лев.

Внутри лежала пара запонок в виде пернатых змей — сдержанный и в то же время роскошный дизайн. Они подозрительно напоминали ту самую змею, что вырвалась из его палочки в лавке Олливандера. Глаза змей были инкрустированы сапфирами, в точности повторявшими цвет глаз самого Драко. Приглядевшись, он заметил на них филигранную гравировку защитных рун: запонки служили автоматическим щитом от магических атак. Можно было не гадать, кто их сделал. В прошлой жизни все подарки Гарри обладали защитными свойствами; даже Скорпиус как-то заметил, что дядя Поттер, кажется, вечно ждет от мира какой-то подлянки. Но, как помнилось Драко, только его подарки Гарри старался сделать изысканными — для Гермионы и Невилла он всегда выбирал нечто исключительно практичное, подчас совершенно лишенное эстетики.

Пока Драко примерял запонки, он гадал: неужели этот шрамоголовый думает, что он выбросит вещь, если она не будет достаточно блестящей? Идиот. Даже если бы он не осознал своих чувств, он никогда бы не обидел друга. Впрочем, они с Гарри оказались на удивление единодушны. Он подарил ему кулон в виде грифона — очень похожего на того, что явился из палочки Поттера. Глазами грифона служили изумруды, почти такие же яркие, как глаза самого Гарри. Хотя тот знал, что никакие камни в мире не сравнятся с этим живым зеленым пламенем. Он с удовлетворением заметил, что Гарри сразу надел подарок и, кажется, остался

очень доволен. Драко скрыл торжествующую улыбку; он никогда не признается, что на самом деле хотел подарить кольцо, чтобы привязать Гарри к себе, но в последний момент струсил и выбрал цепочку.

— Гарри, не хочешь опробовать наши последние новинки?

— Гарантируем, это Рождество ты запомнишь надолго!

Как только они вошли в Большой зал, Гарри перехватили близнецы Уизли, всучив ему несколько с виду обычных хлопушек. Он с подозрением покосился на Фреда и Джорджа, а затем на «подарки».

— Фред, Джордж, я настоятельно рекомендую вам отправить образцы моему крестному. Уверен, он подкинет вам пару дельных советов. В конце концов, он был одним из королей розыгрышей в Гриффиндоре. Я упоминал о вас в письме, и Сириус крайне заинтересовался вашим творчеством.

— О, Гарри, ты просто чудо!

— Клянусь Мерлином, Гарри, ты — наш талисман!

Прежде чем умчаться, близнецы синхронно чмокнули Гарри в обе щеки. Драко почувствовал, как внутри него закипает ярость. Он достал платок и с остервенением принялся вытирать следы слюны с лица Поттера, категорически отказываясь признавать, что это была банальная ревность.

— Драко, прекрати, ты мне так кожу содерешь! — взмолился Гарри, глядя на разгневанного друга. Лишь когда платок исчез в кармане, до него дошло, что поведение близнецов было, мягко говоря, не по этикету, но зачем же прикладывать такую силу? Щеки теперь точно пылали огнем.

Осознав, что выдал свои чувства, Драко угрюмо поджал губы. Он искоса глянул на Гарри: раскрасневшиеся щеки делали его похожим на смущенного ребенка, а зеленые глаза на этом фоне казались еще ярче. На его груди гордый золотой грифон, казалось, насмешливо щурился. Мерлин, неужели даже неодушевленные вещи над ним потешаются?

Поскольку в замке осталось мало учеников, факультеты Рэйвенкло и Хаффлпафф представляли по одному человеку, а самым многочисленным оказался выводок Уизли. В Большом зале установили один длинный стол. Во главе сидел Дамблдор в окружении профессоров. Ребята с других факультетов расположились напротив гриффиндорцев. Драко усадил Гарри рядом с рэйвенкловцем, стараясь не замечать, как лицо Рона Уизли при виде них пошло багровыми

пятнами.

Рождественская атмосфера подействовала даже на преподавателей. Профессор Макгонагалл решительно усадила Гарри рядом с собой, и они с мадам Помфри принялись наперебой подкладывать ему лучшие кусочки, пока его тарелка не превратилась в гору еды. Северус, хоть и сохранял привычную мину, заметив страдания крестника, молча подвинул Драко пару флаконов с бодрящим зельем и настойкой для пищеварения.

Профессор Флитвик, обладавший острым глазом, сразу заметил запонки Драко. Его крайне заинтересовали защитные чары, наложенные на них; он вскользь заметил, что такую работу мог выполнить только мастер с колоссальным боевым опытом. Он вежливо улыбался, слушая похвалы, и краем глаза видел, как у Гарри нервно подрагивает веко.

Мадам Помфри, разглядывая кулон Гарри, задумчиво припомнила амулет Джеймса Поттера — золотого льва. Помона Стебль же возразила, что грифон на его груди выглядит куда величественнее и сильнее любого льва, добавив, что Гарри во многом превзошел своего отца.

Дамблдор, лукаво поглядывая на Снейпа, чье лицо исказилось при упоминании старого врага, со смешком посоветовал зельевару наконец-то обзавестись парой, а лучше — сразу наследником. Мадам Помфри тут же вставила, что будущая избранница Северуса должна обладать гриффиндорской отвагой и изрядной долей наглости, иначе она просто не выдержит его яда. Макгонагалл добавила, что без острого ума Рэйвенкло в таком союзе делать нечего — Снейпу нужен достойный собеседник. Флитвик же настаивал на хэффлпафском терпении и доброте, ведь профессор слишком суров и к себе, и к окружающим. Помона Стебль подытожила: без слизеринской выдержки и хитрости к Королю Змей и подступаться не стоит. Северус, у которого от такого внимания уже начали розоветь кончики ушей, явно мечтал наложить на коллег коллективное заклятие удушения, но вместо этого лишь ледяным тоном заметил, что людей с таким набором качеств в природе не существует, а потому его личная жизнь останется его личным делом.

Драко же думал иначе. Распределяющая шляпа ведь сказала, что в Гарри сочетаются черты всех четырех факультетов. Неужели крестный станет его соперником? О, Мерлин, нет! Он в панике решил, что нужно признаться Гарри как можно скорее, пока кто-нибудь другой не перехватил инициативу. Но призрак прошлой жизни, где Гарри до конца оставался одиноким, все еще преследовал его. Невилл как-то рассказывал, что Гарри просто распугивал потенциальных ухажеров: когда те пытались подстроить «случайную» встречу с цветами и подарками, Гарри, чьи рефлексy были отточены войной, принимал это за нападение и атаковал первым. Ледяной взгляд Поттера убивал всякое желание продолжать знакомство. Драко прекрасно понимал это состояние — он и сам годами привыкал к присутствию Астории в своей постели, постоянно просыпаясь от малейшего шороха. Война калечит души незаметно, в самых обыденных вещах.

Драко вдруг осенило: может быть, Гарри просто не мог выносить близости посторонних? В годы войны он был главной целью, на него охотились чаще всего. Будучи лидером, он был обязан вечно быть начеку, чтобы не погибнуть от рук какого-нибудь фанатика и не обрушить весь фронт. После победы недобитые Пожиратели смерти видели в нем своего главного врага. А позже, когда Министерство начало свою подлую игру по устранению героя, Гарри

фактически заперся в Хогвартсе, не зная, откуда ждать удара. Лишь когда он приезжал к нему, он видел Гарри спокойным — или тот просто мастерски притворялся? Теперь тот подозревал, что Гарри предвидел предательство Уизли задолго до финала. Гермиона и Невилл по его просьбе остались преподавать, и единственным звеном, связывавшим Гарри с внешним миром, был сам Драко, обязанный по статусу посещать светские мероприятия.

Оказалось, что именно он был ахиллесовой пятой Гарри. Теперь понятно, почему Поттер всегда дарил ему защитные артефакты, почему Гермиона в письмах умоляла не оставлять семью без охраны, а Невилл засадил поместье Малфоев смертоносными лианами. Даже Блейз, отошедший от дел, советовал ему уехать из Британии. Если бы он тогда не был так слеп... если бы он слушал... Гарри мог бы остаться жив.

Драко до сих пор не понимал, как Гарри мог пасть от руки этого ничтожества, Рона Уизли. Десять таких, как Рон, не стоили и мизинца Поттера. Даже если его окружили, как говорил Кикимер, Гарри всегда мог уйти... если только он сам не решил остаться.

Эта мысль отозвалась в сердце Драко ледяным холодом. Кикимер рассказывал, что когда он явился на зов, Авада Кедавра рыжего предателя уже настигла Гарри. Эльф успел лишь забрать тело. Самое странное было в том, что на нападавших не было ни единой царапины. Гермиона и Невилл тогда предпочли молчать, они даже не пытались начать расследование, просто похоронили друга. Теперь их поведение казалось ему частью какого-то плана самого Гарри, правдой, которую от него скрыли. Похоже, во всей этой истории была некая страшная тайна, и он был единственным, кто до сих пор оставался в неведении.

<http://bllate.org/book/17565/1703856>